

КИЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

На правах рукописи

Валентин Леонидович ЧУБАРЕВ

ТЯЖЕСТЬ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Специальность 12.00.08

Уголовное право и криминология;
исправительно-трудовое право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Киев — 1992

ЛНБ України ім.В.Стефаника

00519492 (U)

На правах рукопису

Кандидатська дисертація

ТРИЖЕБТІ ПЕРЕСТУПНОГО ДЕРЖАВИ

(Економіко-правовий аспект)

Ученый труд в области права
и государственного управления

Автор: [Name]

Научное учреждение
докладающей организации

Киев - 1999

КИЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ имени ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

На правах рукописи

Валентин Леонидович ЧУБАРЕВ

ТЯЖЕСТЬ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;
исправительно-трудовое право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Киев — 1992

Диссертация выполнена в Научно-исследовательском центре Украинской академии внутренних дел

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук, профессор Бурчак Ф. Г.
Доктор юридических наук, профессор Панов Н. И.
Доктор юридических наук, профессор Туркевич И. К.

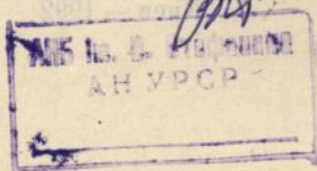
Ведущая организация — Институт государства и права
Академии наук Украины

Защита состоится « **24** » ноября 1992 года в 10 часов на заседании специализированного совета Д 068.18.14 при Киевском университете имени Тараса Шевченко (252017, Киев, ул. Владимирская, 60, юридический факультет, ауд. 242).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Киевского университета (ул. Владимирская, 58).

Автореферат разослан « **2** » октября 1992 года.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат юридических наук, доцент

В. П. Шибико

Актуальность проблемы. Термин "преступное деяние" советскому уголовному законодательству не известен, хотя в уголовно-правовой литературе (причем - не только в нашей) он употребляется достаточно давно. Используется он и в судебной практике. Возникает вопрос: как соотносится обозначаемое им понятие с такой фундаментальной категорией, как "преступление"? Нередко приведенные термины имплицитно трактуются в качестве логических синонимов, потому кажется, что никакой научной проблемы приведенное словоупотребление содержать не должно. Однако, складывающаяся в данном вопросе ситуация далеко не так проста.

Дело в том, что после отмены в 1958 г. правила, допускавшего в бывшем СССР уголовную ответственность по аналогии, в понятие "преступное деяние" стало возможным вкладывать только тот смысл, в соответствии с которым преступным будет лишь деяние, относительно которого в уголовном законе содержится прямой запрет на его учинение. Иными словами, с этого времени преступным стало действительно преступающее уголовный закон деяние. Но тогда в законодательной дефиниции (см., например, ст. 7 УК Украины) мысль о том, что преступлением является "предусмотренное уголовным законом" деяние становится возможным заменить на равноценную, согласно которой преступление - это нарушающее уголовный закон деяние, вследствие чего становится очевидным, что основу законодательного определения общего понятия преступления составляет не что иное, как тавтология. Между тем, подобное определение давно уже стало класси-

ческим и оно воспроизведено во многих уголовно-правовых системах. Трудно допустить, что многовековая уголовно-правовая мысль и законодательная практика основывались всего лишь на бесплодной тавтологии. Однако, тогда нужно будет заключить, что понятия "преступление" и "преступное деяние" связаны между собой более сложным отношением, нежели отношение тождества.

Таким образом, вопрос о содержании понятия "преступное деяние" оказывается самым непосредственным образом связанным с категорией "преступление". Поскольку от правильного понимания последнего феномена в решающей степени зависит обоснованность установления уголовной ответственности за те либо иные варианты человеческого поведения, актуальность надлежащего разрешения проблемы "преступное деяние" вряд ли потребует дополнительных обоснований.

В советской уголовно-правовой литературе понятие "преступное деяние" специальному исследованию не подвергалось. В связи с этим автору пришлось изучать труды многих ученых, затрагивавших не только проблему "преступление", но и обстоятельства, сопрождавших его учинение. Среди них нужно упомянуть М.И.Бажанова, Ю.Д.Блувштейна, А.З.Большакова, С.В.Бородина, Ф.Г.Бурчака, Ю.Д.Бышевского, Р.Р.Галиакбарова, И.М.Гальперина, С.С.Гаскина, А.Д.Горбуза, Ю.А.Демидова, Л.А.Долиненко, М.И.Елкеева, М.А.Ефимова, В.Е.Жеребкина, Н.И.Загородникова, А.Ф.Зелинского, С.В.Землюкова, Н.Г.Иванова, И.И.Карпеца, М.П.Карпушина, С.Г.Келину, М.И.Ковалева, В.М.Когана, Н.И.Коржанского, Л.Н.Кривоченко, Г.А.Кригер, Л.Л.Кругликова, Г.В.Крылова, В.Н.Кудрявцева, Н.Ф.Кузнецову, Б.А.Куринова, В.И.Курляндского, Ю.И.Ляпунова, В.П.Малкова, А.И.Марцева, В.П.Махоткина, В.Д.Меньшагина, Б.А.Миренского, Р.А.Михеева, И.С.Ноя, Б.Д.Овчин-

никова, Н.А.Панова, Н.И.Пономареву, Е.Л.Ременсона, А.Б.Сахарова, Е.А.Сухарева, П.Ф.Тельнова, В.Я.Тихого, В.И.Ткаченко, П.С.Тоболкина, П.А.Фефелова, В.Д.Филимонова, Г.И.Чечеля, М.Д.Шаргородского, А.М.Яковлева и др.

Поскольку при изучении указанного феномена затрагивались некоторые проблемы правового сознания, применения социологических методов в его исследовании и т.п., автор основывался также на достижениях Е.Л.Бонка, О.А.Гаврилова, Р.З.Лившица, Н.С.Малеина, Г.В.Мальцева, В.С.Нерсесянца, М.С.Ошерова, Л.С.Симкина, Л.И.Спиридонова, В.А.Шабалина, В.А.Щегорцова. Однако, трудами названных авторов не охватываются многочисленные методологические и прикладные вопросы, решавшиеся в настоящем исследовании, особенно - в связи с использованием положений общей теории систем, проблемами измерения, применения экспертных методов и т.п. По этой причине в диссертации содержатся многочисленные ссылки на результаты советских и зарубежных ученых, специализирующихся в указанных отраслях знания.

Главные цели диссертационного исследования. Ведущим для автора было стремление получить эмпирически проверенную модель того антисоциального явления, которое может обозначаться термином "преступное деяние". Моделирование обычно осуществляется в два этапа - анализ содержательных представлений и их формализация с одной стороны, эмпирическая проверка полученной теоретической конструкции - с другой. В связи с этим неизбежным оказалось сопоставление некоторых содержательных концепций с полученными в ходе исследования результатами.

На основе эмпирически проверенных данных предполагалось, далее, разобраться со взаимоотношением понятий "преступление" и "преступное деяние", а также предложить непротиворечивую

дефиницию понятия преступления и уяснить смысл феномена "общественная опасность". Естественно, что автор рассчитывал и на выработку некоторых рекомендаций, направленных на совершенствование действующего уголовного законодательства.

Методология и методика исследования. Принципиальным представлением послужила мысль, в соответствии с которой право, как объективно существующий социальный феномен, не сводимо к закону, являющемуся всего лишь более или менее удачным отражением в письменной форме указанного общественного явления. Она дала возможность воспользоваться суждением, рассматривающим свойство нормативности не атрибутом закона, а субстанциональным свойством права (В.С.Нерсисянц), отражающим складывавшиеся в общественном правовом сознании представления. Именно последние, как "идейный источник", предопределяют все содержание закона (В.А.Щегорцов), в связи с чем преимущественные тенденции общественного правового сознания можно интерпретировать в качестве воли "большинства народа", подлежащей выявлению и закреплению в законодательстве (Р.З.Лившиц).

Приведенными методологическими соображениями предопределялась стратегия научного поиска: законодательные представления по проблеме "преступное деяние" рассматривались сквозь призму обиденного правосознания, благодаря чему теоретическая (априорная) модель изучаемого феномена трансформировалась в эмпирическую (апостериорную) модель.

Создание априорной модели оказалось возможным путем использования методологии системных исследований, предполагающих, в свою очередь, применение количественных приемов изучения, разработанных в двух основных направлениях. Первое состояло в оперировании теор. тихо-множественными представле-

ниями, позволявшими конкретизировать системные идеи и преобразовать понятие "преступное деяние" в специфическую двухуровневую модель, воспроизводящую элементы и отношения между ними в форме, допускающей эмпирическую проверку. Второе сводилось к изучению формально-логической природы оценки общественным правовым сознанием дифференцированных в модели элементов и отношений. Использование квалиметрических и некоторых других представлений позволило убедиться в правильности утверждения, в соответствии с которым уголовно-правовая оценка есть не что иное, как измерение общественных явлений по шкале порядка (О.А.Гаврилов).

Теоретическая модель апробировалась на основе сопоставительного изучения состояния профессионального (эксперты) и непрофессионального (респонденты) правосознания. Для этих целей было сформировано два равных подмассива (по 155 человек в каждом), то есть - основная и контрольная группы опрошенных. Обследование осуществлялось в различных областях Украины. Предполагалось, что если опрос разных категорий граждан, неодинаково характеризующихся и исполняющих соответствующие социальные роли в разных регионах республики, выявит устойчивые и совпадающие на значимом уровне представления, то тем самым эксплицируется действительное состояние обывденного правового сознания жителей Украины по интересовавшим автора вопросам.

Процедура извлечения информации, надежность и однородность полученных данных проверялись специально, а результаты статистической обработки контролировались на двух уровнях значимости - 0,95 и 0,99. Проверенная информация легла в основу созданной автором сложной ранговой шкалы тяжести этих деяний. Последняя, с помощью методов типологического группирования, была преобразована в типологию преступных деяний.

Научная новизна. Представленные в диссертационном исследовании результаты позволяют утверждать следующее.

1. Впервые понятие "преступление" рассмотрено в качестве системы, интегрирующей такие подсистемные элементы: общественное отношение, посягающее на него лицо и преступное деяние. Структурой этой системы является состав преступления. Содержательно приведенные соображения интерпретируются в том смысле, что только тогда, когда указанные элементы и отношения между ними выстроились в некоторую специфическую последовательность, именуемую составом преступления, появляются основания утверждать: в социальной действительности возникло явление, которое принято обозначать термином "преступление".

2. Представление преступления в качестве системы позволяет понять, что свойство общественной опасности, отличающее систему "преступление" от всех иных системных и несистемных образований, является э м е р д ж е н т н ы м свойством преступления как н о в о г о целого и это свойство отсутствует не только в других объектах социального мира, но и во входящих в изучаемую систему элементах. Величина данного качества детерминируется конкретными значениями соответствующих параметров системы.

3. Интегрируемые системой "преступление" подсистемные элементы, в свою очередь, являются системами (более низкого уровня организации). Системообразующие качества каждого из элементов исходной суперсистемы как раз и выступают параметрами ее состояний, то есть - аргументами величины ее общественной опасности.

4. Преступное деяние - сложная двухуровневая система, обладающая таким свойством, которое можно обозначить термином тяжесть. Следствием данного представления является впервые

сформулированная автором мысль о том, что общественная опасность преступления и тяжесть преступного деяния - два различных свойства, присущие системам разного уровня организации.

5. Диссертант, по существу, с новых позиций подошел к разрешению одной из самых важных проблем науки уголовного права - проблеме общественной опасности преступления. Смысл этого подхода сводится к тому, что общественная опасность детерминруется рядом свойств подсистемных элементов преступления, только одним из которых является тяжесть преступного деяния.

Высказывается гипотеза, в соответствии с которой факторы (верхний уровень системы преступное деяние) и признаки (ее нижний уровень) специфическим образом структурируются. Структура системы преступное деяние предопределяет величину тяжести в каждом конкретном проявлении и имеет вид типологии и преступных деяний по их тяжести. Указанная типология представляет собой некоторый закономерный итог осмысления на теоретическом уровне результатов процесса практического агрегирования факторов и признаков преступного деяния, осуществляемого на эмпирическом уровне повседневно и отображаемого в науке понятием "оценка обстоятельств дела".

6. Никогда ранее в отечественной науке не предлагалась разработанная автором типология преступных деяний по уровню тяжести, насчитывающая следующие пять категорий: 1) особо тяжкие; 2) тяжкие; 3) средней тяжести; 4) менее тяжкие и 5) небольшой тяжести преступные деяния. При чем, новизна предложенной типологии состоит не столько в упомянутой рубрикации, сколько в том, что каждая дифференцированная соискателем категория описана конкретным исчерпывающим перечнем признаков.

7. Существенно новым является подход автора, предлагающего рассматривать область малозначительности преступлений (4.2

ст. 7 УК Украины) как перечень состояний соответствующих подсистемных элементов. Реализуя этот подход, диссертант впервые в нашей литературе привел конкретный (эмпирически обоснованный) перечень признаков, описывающих такое правонарушение, которое (по степени своей тяжести) ни при каких условиях не должно признаваться преступлением.

8. Автором обосновывается вывод, согласно которому традиционно развиваемое в уголовном праве учение об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих ответственность, не имеет под собой строгих формально-логических обоснований. В связи с этим соискатель находит неточным наименование рассматриваемого института уголовного права, поскольку им установлено, что непосредственно упомянутые обстоятельства на общественную опасность преступления не влияют, а потому их учет при назначении наказания должен быть опосредован оценкой в рамках соответствующей подсистемы преступления.

На основании изложенного формулируется предложение о том, что часть обстоятельств, "смягчающих и отягчающих ответственность", характеризующих совершенное преступное деяние, но не окваченных типологией этих деяний, должна составить основу учения об обстоятельствах, **п о в ы ш а ю щ и х л и б о п о н и ж а ю щ и х** тяжесть преступных деяний.

9. Диссертант развивает позицию ученых, считающих неправильным создание классификации преступлений исходя из размера их наказуемости. В обоснование такой точки зрения приводятся не использовавшиеся ранее аргументы формально-логического свойства, смысл которых сводится к тому, что логическая операция классифицирования тождественна операции деления понятий, а потому грубой ошибкой будет классифицирование любых предметов

по такому качеству (наказуемости, например), которое не входит в область, описываемую дефиницией этих предметов.

Впервые в юридической литературе выдвинута концепция, трактующая проблему классификации преступлений как логическую задачу комбинированного группирования состояний образующих систему "преступление" элементов, то есть - как агрегирование данных о типологиях подсистемных элементов. Иными словами, в классификации преступлений должна быть отражена пятичленная типология преступных деяний, дополненная типологиями охраняемых в уголовном порядке общественных отношений и посягающих на них виновных лиц.

Ю. Предложено принципиально отличающееся от описанного в ст. 7 УК Украины общее понятие преступления, а также ряд других новелл (характеризующих типологию преступных деяний по их тяжести, регламентирующих порядок учета нетипологизированных признаков и т.п.), включение которых в уголовное право диссертант считает необходимым в ходе работы по предстоящему реформированию действующего уголовного законодательства.

В связи с изложенным на защиту выносятся:

1. Обоснование необходимости внедрения в уголовно-правовые исследования системной методологии и иллюстрация открываемых таким внедрением перспектив.

2. Мысль, что такое уголовно-правовое явление, как "преступление", представляет собой систему, структура которой - состав преступления, а также сформулированное на этой основе общее понятие преступления.

3. Доказательство того, что осуществляемая субъектами правоприменения деятельность по оценке признаков, характеризующих состояние конкретных параметров системы "преступление",

с формально-логической точки зрения представляет собой порядковое измерение.

4. Утверждение, в соответствии с которым в действующем уголовном законодательстве при описании феномена "преступление" реализован более низкий уровень измерения (номинальный). В связи с этим законодательно формулируемые к процессу назначения наказания требования лишены надлежащих механизмов практической реализации.

5. Положение о том, что несогласованность законодательного и правоприменительного уровней измерения криминологических переменных порождает ситуацию, обозначенную автором как "парадокс правоприменения", когда (рациональное) карательное воздействие, будучи теоретически невозможным, практически, тем не менее, осуществляется постоянно.

6. Предположение, согласно которому рационализация карательного воздействия должна быть следствием повышения законодательно используемого уровня измерения криминологической реальности хотя бы до порядкового.

7. Эмпирически обоснованная сложная ранговая шкала тяжести преступных деяний и основывающаяся на ней типология таких деяний.

8. Гипотеза о том, что учение о так называемых "смягчающих" и "отягчающих" обстоятельствах в уголовном праве не имеет должного формально-логического обоснования, опирается на досистемные представления, а потому противоречит эмпирически полученным результатам.

9. Новый подход к проблеме классификации преступлений, смысл которого сводится к тому, что указанная классификация должна представлять собой комбинированную группировку типоло-

гических состояний всех подсистемных элементов суперсистемы "преступление".

Практическая значимость диссертационной работы вытекает из созданной типологии преступных деяний по их тяжести. Она позволяет ставить вопрос о существенном изменении конструкции ряда норм Общей части уголовного законодательства. Думается, что раздел УК о преступлениях необходимо строить так, чтобы составляющие его статьи последовательно развивали элементы законодательной дефиниции, потому после общего понятия о преступлении должны идти нормы, раскрывающие содержание преступного деяния и типологию деяний по их тяжести. Эти нормы будут сопровождаться специальными правилами учета нетипологизированных обстоятельств, а завершится раздел положениями об условиях утраты содеянным общественной опасности.

В разделе о наказаниях, после изложения общих принципов назначения наказания, потребуются построить шкалу видов и размеров уголовного наказания, соответствующую типам преступных деяний по их тяжести. Затем потребуются изложить правила, регламентирующие пределы и возможности судебной индивидуализации наказания исходя из конкретных условий, сопровождающих реально учиняемое преступление, а также принципы совокупного назначения наказания за случаи многократной преступной деятельности. Разделы о сроках давности, судимости, условиях и порядке освобождения от наказания и т.п., также должны быть увязаны с типологией преступных деяний, категории которых призваны предопределять все возможные юридические последствия.

Создание Общей части уголовного законодательства на таких принципах приблизит его к реалиям, господствующим в общественном правовом сознании и будет способствовать реализации идеи справедливости в уголовном праве, в частности - справедливости

назначения наказания. Конечно, разработка подобного законопроекта — дело сложное и длительное. Вместе с тем реализованный автором подход создает для этого определенные предпосылки.

Результаты диссертационного исследования опубликованы в работах, общий объем которых превышает 28 печатных листов. Некоторые выводы формулировались автором на различных научных и научно-практических конференциях, в том числе на советско-скандинавском (1963 г.) и советско-западногерманском (1967 г.) симпозиумах по проблемам уголовного права и криминологии.

Обоснование структуры работы. Диссертация состоит из введения, шести глав и заключения. Структура, последовательность и объем изложения затрагивавшихся вопросов обуславливались стремлением создать целостное впечатление об исследуемом анти-социальном феномене. Вместе с тем, на них наложили специфический отпечаток использовавшиеся методы. Так, в главе первой потребовалось обосновать обращение к системному методу, в связи с чем автор вынужден был не только касаться его принципиальных основ, но и рассмотреть вопрос о положении изучаемого элемента в суперсистеме "преступление". Затем следуют главы, посвященные: конструированию теоретической модели изучаемого явления; обоснованию возможного пути эмпирического изучения проблемы; рассмотрению главных особенностей метода экспертных оценок, а также специфики его применения в уголовно-правовом исследовании. Две последних главы посвящены анализу полученных эмпирических данных, а краткая оценка итогов проделанной работы дана в заключении.

Введение воспроизводит приведенные выше соображения.

Глава первая — "Преступление" — состоит из четырех параграфов. В первом описывается подход к проблеме и авторское понимание проблемной ситуации.

Основываясь на мысли В.Е.Меребкина о том, что при построении общего понятия преступления законодатель использует прием, в соответствии с которым родовым определением конструируемой дефиниции является свойство "деяние", автор дифференцирует следующие признаки видового отличия понятия "преступление": 1) виновность; 2) "посягаемость" деяния на общественные отношения; 3) уголовная запрещаемость и 4) общественная опасность.

Два первых признака являются общими как для понятия преступления, так и для определения административного проступка. Следовательно, в виду неспецифичности, они не могут выполнять функцию признаков видового отличия. С признаком общественной опасности ситуация сложнее. В советской науке уголовного права одни авторы настаивают на положении о неспецифичности и этого признака преступления, утверждая, что все правонарушения обладают данным свойством. Другие, основываясь на сопоставлении законодательных определений "преступление" и "административный проступок", защищают положение о специфичности признака общественной опасности именно преступлению. Однако, даже согласившись с позицией о специфичности данного признака, мы обнаруживаем, что его содержание в законе не раскрывается, а попытки теоретического осмысления этого содержания породили в нашей науке затянувшиеся споры. Не случайно, многие исследователи (Л.Н.Кривоченко, А.Ф.Зелинский, Н.И.Коржанский) находят соответствующий вопрос едва ли не самым запутанным в советской науке. Но тогда нужно признать, что признак, содержание которого не фиксировано, фактически не способен выполнять роль признака видового отличия.

Получается, что единственным "работающим" признаком общего понятия о преступлении является уголовная запрещаемость со-

ответствующих деяний, так что суждения тех советских ученых, которые считают нашу дефиницию преступления "огромным шагом вперед по сравнению с достижениями буржуазных правоведов" (М.П. Ковалев), явно преувеличены. Особенно, если вспомнить, что эта дефиниция не воспрепятствовала даже осуществлению законодательной практики криминализации инакомыслия (например - включению в УК Украины ст. 187¹). В связи с этим дальнейшая разработка проблемы "преступление" более чем актуальна.

Во втором параграфе осуществлена интерпретация используемой терминологии. Главное внимание в нем уделено расшифровке терминов "вещь" (элемент), "совокупность", "множество" и понятия "задание множества". В частности, диссертант разграничивает "вещи" и представления о них, обычно именуемые понятиями, нередко обозначаемые одним и тем же именем. Смысл различения сводится к тому, что объективно существующие вещи обладают системами качеств, в то время как понятия о них - системами признаков. Подобное словоупотребление позволяет считать не совсем корректным утверждение Л.Л.Кругликова о синонимичности терминов "о^тстояние дела" и "признак преступления": первый термин имеет отношение к области социальной реальности, в то время как второй - к ее отражению на законодательном либо теоретическом уровне, а указанные сферы достаточно часто могут не совпадать.

Различая понятия "совокупность" и "множество" автор подчеркивает, что первый термин трактуется им в качестве обозначения некоторой неупорядоченной суммы предметов, в то время как второй подразумевает наличие известной информации об отношениях образующих множество элементов. Что касается логической операции определения понятий, то она является вербальной раз-

новидностью интенционального способа задания множеств (а не описания совокупностей), в связи с чем постоянно нужно иметь в виду ситуации, когда используемые в дефиниции признаки не обеспечивают выполнения определением своей основной логической функции - служить основанием для отнесения некоторой вещи к соответствующему множеству. Такого рода ситуации возникают в случае, когда вводимые определением признаки понимаются и применяются неоднозначно. Они абсолютно нетерпимы в законодательстве, где, как правильно подчеркивает В.М.Коган, используемые термины должны обладать одним (и только одним) смыслом, поскольку определенность содержания закона возможна только при определенности выражений.

Главным вопросом третьего параграфа есть вопрос о том, является ли преступление простой вещью, либо некоторым количеством (совокупностью) отдельных вещей. Постановка такого вопроса обусловлена тем, что определение преступления через категорию "деяние" не согласуется с рядом фактов.

Во-первых, деяние - это всегда объективизация поведения соответствующего человека. Следовательно, формулирование понятия преступления через категорию "деяние" является имплицитным включением в рассмотрение и "автора" этого деяния, коль скоро уголовное право "деяниями" животных, сил природы и т.п. не занимается. Однако, ограничение понятия преступления только парой элементов - "индивид" и его "деяние" было бы объективным вменением. Многими учеными правильно подчеркивается, что если человек, совершая деяние, не имел намерения причинить социальный вред (нарушить охраняемое в уголовном порядке отношение), нет и преступления.

Во-вторых, если преступлением может быть лишь посягательство на общественные отношения, то нельзя упускать из виду то

МБ Ил. В. Стафиласа
АН УРСР

принципиальное положение материалистической диалектики, в соответствии с которым общественные отношения — это отношения людей по поводу вещей. Последние, следовательно, могут выступать только объектами, но никак не субъектами общественных отношений, в связи с чем нужно признать, что "деяние" само по себе, не только ни на что не посягает, но и не может посягать.

Приведенные соображения позволяют утверждать, что в область понятия о преступлении входят три элемента: 1) общественное отношение; 2) посягающее на него лицо и 3) деяние этого лица как некоторый способ (либо результат) соответствующего посягательства. В связи с этим родовое определение данного понятия должно описываться примерно так: преступлением является поведение лица, осуществившего путем исполнения деяния (действия или бездействия) посягательство на общественные отношения.

Полученный результат требует выяснения, является ли данная тройка элементов простой совокупностью, либо она образует некоторое множество, то есть — представляет собой совокупность, предусматривающую определенные отношения этих элементов между собой. Неосложимость специального изучения вопроса о возможном наличии отношений в любой совокупности вещей объясняется тем, что их наличие трактуется в науке как бесспорный индикатор, указывающий, что из множества элементов возникла новая, качественно отличная от образующих ее элементов, вещь.

Пытаясь разобраться в данном вопросе, автор подверг формально-логическому анализу такие признаки дефиниции преступления, как виновность, уголовная запрещаемость и "посягательность". Основываясь на положении, согласно которому в отношении участвуют не менее двух элементов, а свойством именуется некоторый атрибут одного (Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П.), дис-

сертант установил, что анализируемые признаки не удовлетворяют понятию свойства, представляя собой некоторые отношения. Применительно к термину "вина" данное положение очевидно: этот феномен традиционно определяется в уголовно-правовой теории как психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его последствиям (назовем его отношением принадлежности деяния учинителю). Конфликт индивида и общества, объективирующийся в посягательстве, столь же ясно указывает на одноименное отношение, связывающее общественное отношение и индивида. Наконец, отношением (тождества) является и уголовная запрещаемость, поскольку необходимым условием возникновения преступления является точное соответствие содеянного его законодательному описанию.

Четвертый параграф посвящен признаку общественной опасности. Принципиальным положением параграфа служит мысль, в соответствии с которой отношения между некоторыми предметами правомерно (вслед за законодателем) рассматривать в качестве свойства только тогда, когда они трактуются в виде атрибута той н о в о й вещи, которая возникает из множества соответствующих предметов. Подобный подход становится правомерным благодаря тому, что возникающая новая вещь рассматривается как с и с т е м а. Но как доказать, что вещь, интегрирующая общественное отношение, индивида и его посягательство (деяние), представляет собой именно систему? Для этого нужно, основываясь на определении системы в качестве множества элементов, взаимодействующих между собой и образующих целостное единство (Р.Г. Баранцев), установить, что 1) изучаемый феномен представляет собой не простую вещь, а совершенно конкретное конечное множество интегрируемых этой вещь элементов; 2) на данном множестве

существуют однозначно определяемые отношения и 3) благодаря некоторой конкретной "спецификации" указанных отношений ("закону" их композиции, иначе именуемому структурой) дифференцированное множество приобретает специфическую целостность, вследствие чего как раз и превращается в новую, оригинальную вещь.

Легко понять, что первые два требования уже установлены предшествующим анализом. Что касается третьего, то для крива оно не требует специальных доказательств. Нетрудно видеть, что если в полученной цепочке отношений (конфликтность индивида и общественного отношения - принадлежность содеянного этому индивиду - тождество содеянного и соответствующего законодательного описания) поменять местами, к примеру, отношения конфликта и тождества, то получится, что совершенное индивидом деяние соответствует (тождественно) общественным отношениям, вследствие чего утверждение о наличии в таком случае уголовно-запрещаемого деяния теряет свойство истинности. Таким образом, возникающие на изучаемом множестве элементов отношения фиксируются, потому в их изучении требуется осуществить переход с уровня познания отдельных отношений на уровень охвата имеющейся взаимосвязи, что, по свидетельству специалистов, как раз и есть формально-логическое доказательство того, что преступление имеет системную природу.

Существующая в системе "преступление" взаимосвязь компонентов и их отношений содержательно фиксируется в понятии "состав преступления", в связи с чем автор находит блестящей догадку Н.Ф.Кузнецовой, которой высказана мысль о том, что состав преступления является структурой феномена "преступление". Действительно, учение о составе преступления фиксирует главные содержательные требования к объекту (общественному отношению),

объективной стороне (деянию), субъекту и субъективной стороне (посягающий индивид) в их специфической взаимосвязи, а это означает, что термин "состав преступления" является логическим синонимом термина "структура системы преступление". В науке утверждается, что адекватное представление об объекте, являющемся системой, можно составить только тогда, когда познана структура данной системы (Ю.А.Урманцев). Это утверждение дает объяснение тому факту, согласно которому наука уголовного права в течение многих столетий успешно развивала учение о составе преступления, не осознавая системной природы объекта своего изучения.

Системный подход следующим образом разрешает проблему общественной опасности преступления.

В триадной дефиниции "элементность - связность - целостность" существенно новым является понятие целостности (Р.Г.Баранцев), указывающее, что благодаря структурированности из множества соответствующих элементов возникает новая вещь. Именно структурированность порождает в системе отмеченный выше "эмерджентный" эффект, влекущий возникновение нового, так называемого системообразующего качества, отсутствовавшего в интегрируемых системой элементах и которого не может быть ни в одной вещи, не принадлежащей к данному классу систем. Нужно особо подчеркнуть, что системообразующие свойства напрямую не выводятся из свойств входящих в систему элементов, что легко понять, если вспомнить такие свойства системы "вода", как способность ее замерзать при 0°C и кипеть при 100°C , которым не дают объяснения собственные свойства водорода и кислорода (Г.Б.Бокий), и которых нет в каждом из указанных элементов в отдельности.

Отсюда вывод: в некоторых событиях социальной жизни вследствие того, что они содержат состав преступления, а потому явля-

ются специфическими системами, возникает некоторое новое системообразующее качество (общественная опасность), отсутствовавшее как в каждом отдельном из входящих в эту систему элементах, так и во взаимоотношениях их между собой. Именно благодаря такому новому качеству системы "преступление" занимает в данной, исторически сложившейся совокупности господствующих общественных отношений (среде) некоторое особое положение, оценка которого в общей макросреде социальных отношений фиксируется в той либо иной величине указанного системообразующего качества.

С учетом всех приведенных соображений автором предлагается такое определение понятия преступления:

"(1) Преступлением является посягательство на общественные отношения, обладающее свойством общественной опасности.

(2) Общественную опасность представляют посягательства, содержащие все признаки состава преступления, а именно:

— посягательство направлено против одного либо нескольких общественных отношений, взятых в установленном порядке под охрану уголовного закона;

— совершено путем исполнения деяния (действия или бездействия), прямо запрещенного хотя бы одной из статей действующего уголовного законодательства;

— исполнено уголовно-дееспособным лицом, то есть — вменяемым субъектом, достигшим установленного уголовным законом возраста, а в особо предусмотренных случаях — еще и дополнительно требуемыми признаками;

— посягательство осуществлено виновно (умышленно или неосторожно).

(3) Преступлением не должно признаваться такое содержащее признаки состава преступления посягательство, которое утрачивает свойство общественной опасности в силу:

- необходимой обороны;
- крайней необходимости;
- исполнения обязанностей по задержанию совершившего преступление лица;
- допустимого профессионального либо хозяйственного риска;
- своей малозначительности.

(4) Совершение виновным лицом преступления влечет за собой возможность применения к нему мер уголовного наказания, иных предусмотренных законом последствий, в связи с чем факт его совершения может считаться имевшим место только в случае, если он установлен вступившим в законную силу приговором суда."

Глава вторая - "Преступное деяние (априорный анализ)" - включает в себя три параграфа. В первом обосновывается необходимость специального изучения такого элемента системы "преступление", как преступное деяние. Подчеркивается, что при использовании термином "элемент системы" не следует трактовать обозначаемый им предмет в качестве элементарной (то есть - простой) вещи, поскольку элементы системы обычно также представляют собой системы, хотя и более низкого уровня организации. Приведенное предположение позволяет представить "преступное деяние" в виде некоторого конечного множества элементов, связанных между собой определенными отношениями, и обладающего специфической структурой. Определение того, какими именно являются указанные базовые характеристики системы "преступное деяние" (ПД), представляет едва ли не самую главную задачу настоящего диссертационного исследования.

Элементами изучаемой системы должны выступать некоторые признаки совершаемых деяний, в реальной жизни выступающие в качестве обстоятельств уголовного дела. При чем, не все эти

обстоятельства, а лишь те, которым законодатель придает юридическое значение, поскольку именно таким путем реально существующие вещи превращаются в некоторый конечный набор абстракций, дающих содержание теории уголовного права (В.М.Коган). В соответствии с соображениями, приводившимися во втором параграфе главы первой, правильное задание множества ПД предполагает взаимнооднозначное соответствие "обстоятельств дела" и обозначающих их "признаков преступления". Данному условию, если верить результатам изучения многих наших авторов (Н.Ф.Кузнецова, Б.А.Миренский, С.В.Земликов и др.), законодательное задание множества элементов системы ПД не отвечает.

Пытаясь точно установить элементный состав изучаемой системы, автор тщательно проанализировал содержание п.2 постановления Пленума бывшего Верховного Суда СССР от 29.06.79 г. "О практике применения судами общих начал назначения наказания", истолковав указанные в нем обобщенные характеристики преступных деяний в качестве факторов тяжести последних. Так были выделены четырнадцать факторов тяжести ПД: 1) мотивы совершения ПД; 2) основные характеристики способов его совершения; 3) виды применявшегося насилия; 4) использовавшиеся в ходе совершения ПД средства; 5) количество виновных лиц; 6) их роль в ПД; 7) размер материального ущерба; 8) последствия для здоровья потерпевшего; 9) группа экстраординарных признаков; 10) количество совершенных ПД; 11) количество потерпевших; 12) отношения с потерпевшим; 13) основные данные о потерпевшем и 14) отношение к наступившему материальному ущербу.

Одновременно изучением действующего законодательства, опубликованной судебной практики и соответствующих литературных источников, был сформирован массив конкретных признаков,

которые во всех случаях должны приниматься во внимание при оценке тяжести содеянного. Сопоставив полученные признаки с перечнем факторов тяжести, автор осуществил разбивку массива признаков ПД на четырнадцать непересекающихся подмножеств путем закрепления каждого признака за соответствующим фактором так сказать "по принадлежности". Далее каждое подмножество признаков анализировалось на предмет выявления синонимов, взаимозаменяемых и близких по смыслу терминов, которые замещались одним обозначением. Этот этап работы дал содержание второму параграфу, в котором каждый фактор тяжести ПД приведен в виде перечня составляющих его признаков. К примеру, фактор "Мотивы совершения ПД" представлен так: 1) безмотивность содеянного; 2) мотивы, не относящиеся к числу низменных; 3) месть, ревность, зависть и иные низменные побуждения; 4) хулиганские мотивы; 5) корысть; 6) месть за исполнение потерпевшим своего служебного или общественного долга и 7) совершение нового преступления для сокрытия ранее совершенного либо облегчения учинения нового преступного деяния.

В третьем параграфе осуществлена формализация полученных результатов, приведшая к созданию теоретической модели системы ПД. Отмечается, что в полученной конструкции составляющие ее элементы можно произвольно менять местами на любом вкус. Число таких возможных перестановок элементов в рамках модели огромно, чем объективно обуславливается необходимость введения на ней отношений порядка. Подчеркивается, что содержательно такая задача в науке уголовного права поставлена (Л.Л. Круликов, Б.А. Миренский и др.). Обосновывается, что решение такой задачи требует перехода с теоретического, на эмпирический уровень изучения проблемы.

В главе третьей — "Методологические и методические предпосылки эмпирического изучения преступного деяния", — состоящей из трех параграфов, обсуждаются теоретические представления, обосновывающие допустимость проведения в рамках полученной модели эмпирических изысканий.

Первый параграф посвящен вопросу о формальной природе влияния сконцентрированных в модели переменных на тяжесть содеянного. При его рассмотрении автор основывается на положении, согласно которому процесс правоприменения, с логической точки зрения, является процессом опознания некоторого эмпирического многообразия (криминологической реальности) путем соотнесения конкретных юридических фактов (обстоятельств дела) с множеством законодательных описаний запрещаемых вариантов человеческого поведения.

Сложность процесса опознания криминологической реальности станет понятной, если учесть, что система вообще — это абстракция, в действительности же системы существуют только в одном из своих состояний. Каково примерное количество возможных состояний системы ЦД в рамках полученной теоретической модели? Оно равно приблизительно 165×10^{10} перестановок элементов этой модели. Представить себе реальный физический смысл такой величины достаточно трудно. Но, если только буквально следовать принципу индивидуализации наказания, суд должен найти одно из этих состояний, оценить его тяжесть в сопоставлении со всеми другими возможными состояниями и на основе полученной оценки назначить наказание, в максимальной степени отвечающее не только конкретной тяжести содеянного, но еще и данным о личности виновного (которых, замечу, уголовный закон также знает немало).

Формально-логическое осмысление полученных результатов позволяет утверждать, что задача правильной оценки тяжести со-

деянного в настоящее время неразрешима: для представления полной последовательности всех возможных состояний системы ЦД, описываемой приведенным выше числом перестановок, не хватит человеческой жизни (это — так называемое "проклятие размерности" систем). Потому разные судьи будут вынуждены использовать в своей деятельности различные **о б о з р и м ы е** части последовательности, что неизбежно приведет к разнобою в деле назначения наказания. Эту ситуацию автор обозначает термином "парадокс правоприменения". Следствием данного парадокса является формулирование гипотезы о том, что правоприменение (по необходимости) реализует какие-то неявные способы уменьшения размерности теоретической модели, одним из которых может быть упорядочение ее элементов. Такое предположение ориентирует на поиск (потенциально упорядоченной) эмпирической модели тяжести ЦД. Каким образом соответствующий поиск можно осуществить?

Отправной точкой указанного поиска (параграф второй настоящей главы) послужила мысль, в соответствии с которой нужно четко различать понятия "право" и "закон". Вслед за М.С.Ошеровым и Л.И.Спиридоновым, автор трактует "право" как одну из сторон реальной жизни людей в обществе, в то время как "закон" он рассматривает всего лишь как свод правил, призванных адекватно отражать некоторую реальную действительность. Иными словами, в социальной жизни общества объективно существуют факты, имеющие статус юридических, при этом ретаемый не столько благодаря норме права как формальному установлению государства, сколько в силу реально сложившихся представлений граждан этого государства о должном.

Приведенные представления позволяют согласиться с мыслью В.А.Шабалина о том, что передаточным звеном от базиса общества

к его официальной правовой системе (законодательству) является правосознание, которое приводит эту систему в движение, когда правотворчество лишь превращает правовые идеи в совокупность юридических норм. Отсюда изучение состояния общественного правового сознания является путем, позволяющим оценить степень адекватности отображения феноменов общественного сознания в действующем законодательстве.

Требование адекватности законодательных предписаний правовым феноменам с формальной точки зрения означает, что множество законодательных описаний тяжести ПД и множество господствующих правовых представлений, реально существующих в правосознании соответствующей социальной общности, должны быть изоморфны друг другу. Наличие либо отсутствие изоморфизма (взаимнооднозначного соответствия) проверяется путем сопоставления множеств. Минимально необходимыми для этого условиями являются: 1) идентификация составляющих сравниваемых множества элементов и 2) фиксация взаимного положения этих элементов относительно друг друга (уяснение содержания их взаимоотношений). Выполнение указанных условий осуществимо только в рамках теории измерений, в связи с чем неизбежным является представление процесса оценивания обстоятельств уголовного дела как измерения соответствующих криминологических переменных. По мнению диссертанта, смысл оценки в уголовном праве как раз и сводится к качественному измерению (квантификации), когда криминологическим переменным по определенным "разумным" правилам приписываются соответствующие числовые значения.

Коснувшись специфики порядкового измерения автор отмечает, что сложность процесса измерения в уголовном праве обуславливается не столько уровнем измерения, сколько его формой: прямая

оценка таких латентных качеств, как тяжесть ЦД, в настоящее время невозможна, в связи с чем в науке предлагается в подобных ситуациях обращаться к производному измерению. Последнее осуществляется путем создания комбинированных шкал, объединяющих информацию по нескольким признакам для того, чтобы характеризовать одно, более общее качество. Комбинированная шкала, таким образом, представляет своего рода образцовый масштаб, по которому удастся распознать выраженность частных признаков, когда обобщенный показатель, будучи непосредственно неизмерим, строится как функция группы тесно взаимосвязанных показателей.

Изучение показало, что теоретическая модель тяжести ЦД представляет собой сложную и о м и н а л ь н у ю шкалу, возможности которой крайне ограничены как в плане охвата исследуемых предметов, так и в плане учета степени интенсивности соответствующего качества. Именно поэтому оценка тяжести совершаемых ЦД не может быть обеспечена надлежащими формально-логическими механизмами, что и находит свое внешнее проявление в "парадоксе правоприменения", выход из которого возможен лишь на основе введения на множестве элементов теоретической модели отношений порядка.

Третий параграф посвящен обсуждению некоторых теоретических и прикладных аспектов метода экспертных оценок, признаваемого в современной науке одним из самых надежных и распространенных способов установления отношений порядка. При использовании данного метода предполагается, что разрешая поставленную задачу эксперт с определенной вероятностью может дать любой ответ, однако, коль скоро получаемые ответы базируются на опыте и анализе объективной действительности, различия между ними (при прочих равных условиях) не столь существенны, чтобы полу-

чаемые ответы нельзя было использовать. Принимается, что каждый ответ отличается от другого лишь в силу случайных причин, так что ответы, близкие к правильным, должны иметь большую вероятность появления. Вследствие этого правильное упорядочение всегда будет и наиболее вероятным. Тогда в оценке тяжести ПД должна существовать некоторая объективная последовательность признаков, отражающая их "исходную" (правильную) упорядоченность, поиск которой как раз и составляет задачу эмпирической части изучения проблемы. Такая "истинная" упорядоченность элементов будет искомой эмпирической моделью тяжести ПД.

Опрос неспециалистов (респондентов) призван ответить на вопрос о том, не являются ли полученные в ходе экспертного оценивания результаты также и преимущественной точкой зрения массового правового сознания. Если же преобладающие в профессиональном и массовом правосознании мнения не совпадут, то проводимый параллельный опрос призван выяснить, какие именно тенденции по изучаемым вопросам преобладают в массовом правосознании и как далеко они отстоят от мнений профессиональных юристов. Естественно, что получение такого рода результатов требует единства методики опроса как экспертов, так и респондентов, что вполне соответствует рекомендациям, высказываемым в данном вопросе в современной специальной литературе.

Глава четвертая - "Эмпирическое исследование преступного деяния" - состоит из трех параграфов. В первом обосновываются качественные и количественные параметры массива опрошенных лиц.

Опрос в качестве экспертов судей, непосредственно осуществляющих оценку признаков тяжести ПД, представляется вполне естественным. Однако, поскольку отношение к правосознанию судей

в юридической литературе однозначным назвать нельзя, требуется сопоставить получаемые в ходе опроса судебных работников суждения с мнением других категорий профессиональных юристов, из которых принципиальный интерес представляют прокуроры и адвокаты, точка зрения которых нередко может оказать существенное влияние на содержание приговоров. Поскольку деятельность перечисленных процессуальных фигур в конечном счете подчинена одной и той же цели, автор исходит из предположения, что между мнениями судей, прокуроров и адвокатов по одному и тому же вопросу не должно быть очень больших различий.

В совещательной комнате, наряду с профессиональным юристом, принимают участие два непрофессионала (народных заседателя). Потому ограничиваться изучением суждений одних только экспертов нельзя: требуется опросить какое-то количество народных заседателей. Но тогда совершенно очевидной становится необходимость сопоставления их мнений с оценками обычных (никогда не исполнявших роли народного заседателя) граждан. При чем, специфический интерес представляет мнение тех из них, в отношении которых постановляются приговоры.

Определяя количественные параметры исследовательского массива автор исходил из следующих двух положений. Во-первых, он учитывал результаты, в соответствии с которыми увеличение числа опрашиваемых свыше семнадцати ощутимого прироста точности не дает. Во-вторых, он руководствовался рекомендацией, что если задаться абсолютной погрешностью результатов не свыше 0,3 и доверительной вероятностью не ниже 0,95, вполне достаточно ограничиться опросом сорока трех человек. С учетом этого, каждая из шести выделенных категорий опрашиваемых — судьи, прокуроры, адвокаты, народные заседатели, (обычные) граждане и осуж-

денные - насчитывала не менее 43-х человек. В свою очередь, составлявшие соответствующую категорию эксперты либо респонденты делились на три качественно разнородных группы (например, в категории судей: члены Верховного Суда Украины; члены областных судов; председатели народных судов и народные судьи), каждая из которых насчитывала семнадцать (или даже более) человек. Всего, таким образом, в подмассивах экспертов и респондентов опрашивалось по девять качественно разнородных групп, а общее число опрошенных позволило при предельной ошибке менее 0,15 повысить уровень доверительной вероятности до 0,99.

Существенное внимание диссертант уделил проблеме компетентности экспертов, которая первоначально разрешалась соответствующими руководителями, а далее - на основе изучения данных о возрасте и стаже работы в занимаемой должности. Специальная проверка по критерию хи-квадрат показала, что все перечисленные группы опрошенных (равно как и подмассивы экспертов и респондентов в целом) единой генеральной совокупности не принадлежат.

Второй параграф посвящен вопросам, связанным с процедурой извлечения информации у опрашиваемых. Обосновывается, в частности, целесообразность использования для целей исследования метода непосредственного ранжирования альтернатив, описываются приемы, использованные для обеспечения двух главных требований, предъявляемых к опросу - независимости и случайности получаемых ответов.

В целях обеспечения независимости суждений опрашиваемых использовался индивидуальный, очный и анонимный опрос, принципиальным условием проведения которого было требование, согласно которому производящее оценку лицо должно выражать свои сужде-

ния относительно уровней каждого фактора при фиксированных уровнях всех остальных факторов, причем, его суждения не должны зависеть от конкретных значений уровней других факторов (П.К. Фишберн). Сформулированному требованию отвечает правило "прочих равных условий", когда перед каждым опрашиваемым до начала работы моделировалась искусственная ситуация нескольких ЦД с полным равенством всех факторов, за исключением оцениваемого. После измерения соответствующего фактора он также фиксировался, и отличия наблюдались уже по новому, измеряемому в данный момент фактору.

Все оцениваемые альтернативы были выписаны на отдельные карточки и опрос осуществлялся по принципу "колоды карт". Для обеспечения требования случайности предъявления оцениваемых альтернатив каждая "колода" перед началом опроса тщательно перемешивалась (рандомизировалась), а карточки предъявлялись опрашиваемому лицу по частям, начиная с двух либо трех. Когда предъявленные альтернативы упорядочивались, вручалась следующая карточка и предлагалось указать ее место среди уже проранжированных. Упорядочение производилось от наименее до наиболее важного признака по каждому фактору в отдельности, а затем (в таком же порядке) осуществлялось ранжирование внесенных на особые карточки факторов.

На процесс ранжирования не накладывались никакие ограничения, так что если опрашиваемое лицо оказывалось неудовлетворенным полученной композицией признаков, оно вправе было внести в нее любые изменения либо дополнения. В необходимых случаях использовались резервные карточки, на которые тут же заносились дополнительные либо переформулированные опрашиваемыми альтернативы. В ситуации неразличимости признаков либо факто-

ров, разрешалось присваивать соответствующему числу альтернатив одинаковый ранг. Процедура опроса предусматривала также меры по исключению так называемого "эффекта интервьюера".

Заключительный параграф главы посвящен описанию процедуры проверки надежности полученных в ходе опроса данных, в основе которой лежала мысль о том, что "хорошие" ранжировки должны быть похожи на истинную. Следовательно, две хорошие ранжировки будут похожи друг на друга, отличаясь, в то же время, от "плохих". Сходство между ранжированиями можно проверить с помощью ранговых коэффициентов корреляции. Тогда две хорошие ранжировки будут иметь близкий к единице коэффициент корреляции, а плохая ранжировка со всякой иной будет иметь коэффициент, близкий к нулю (Ю.Н.Турин). Если допустить, что даже самый квалифицированный эксперт может дать в реальной экспертизе неудачный ответ, то при большом числе опрошенных неизбежно некоторое число особенно неудачных ответов, т.е. грубых ошибок, "засоряющих" материал.

Проблема "засорения" в общем виде пока не разрешена, в связи с чем потребовались специальные обоснования использованной процедуры "расчистки" выборки. Изложив их автор отмечает, что после расчистки "засорения" по каждому фактору оставалось как минимум 243 ранжирования. Все они были проверены на однородность. Выяснилось, что оставши ся ответы не только однородны на обоих использовавшихся уровнях значимости, но по 85,2% признаков ответы опрошенных вообще принадлежат единой генеральной совокупности.

Глава пятая - "Преступное деяние (эмпирические результаты)" - посвящена описанию полученных в ходе опроса данных. В первом параграфе обсуждаются некоторые вопросы, связанные с проблемой построения коллективного предпочтения.

Наиболее распространенным способом согласования мнений считается правило большинства. В данном исследовании использовалась такая его модификация, как "упорядочение по средним рангам", поскольку утверждается, что средние ранги являются наилучшей оценкой истинного упорядочения (М.Кендал). В простейшей ситуации данного способа наилучшей объявляется альтернатива, с которой согласилось более половины опрошенных, однако в практических экспертизах такого рода ситуации встречаются редко, в связи с чем приходится пользоваться математическими приемами обработки полученных суждений, которые в данном исследовании предусматривали осуществление таких расчетов:

1. Получение по каждому фактору тяжести содеянного исходного распределения ответов каждой из шести групп опрошенных.

2. Создание переформированной матрицы упорядоченных частот ответов по каждому фактору для подмассивов экспертов и респондентов в целом.

3. Вычисление по каждой такой матрице коэффициентов Фридмана, конкордации и трех главных показателей центральной тенденции (медианы, моды и среднего арифметического).

4. Сопоставление подмассивов экспертов и респондентов по критерию хи-квадрат, объединение их в случае принадлежности единой генеральной совокупности в новую матрицу и расчет по ней указанных выше статистик.

5. Анализ полученных распределений, выделение "ядерных" ранжировок, расценка возможной "засоренности".

6. Экспликация коллективных предпочтений всех опрошенных либо раздельно экспертов и респондентов, анализ полученных результатов.

Во втором параграфе приводятся данные об упорядочении факторов тяжести Пд. Полученные в этой части ответы единой гене-

ральной совокупности не принадлежат ни на одном из использованных уровней достоверной вероятности. При чем, в ранжированиях экспертов имеет место так называемый "парадокс Кондорса". Согласие респондентов выше и позволяет определить такую систему предпочтений (римскими цифрами в скобках обозначены ранги соответствующих альтернатив): (I) I. Отношение к наступившему материальному ущербу; (II) 2. Размер причиненного ущерба; (III) 3. Мотивы совершения ПД; 4. Основные характеристики способов его совершения; 5. Использовавшиеся в ходе совершения ПД средства; 6. Виды применявшегося насилия; (IV) 7. Количество виновных; 8. Роль в ПД; (V) 9. Количество совершенных ПД; (VI) 10. Количество потерпевших; (VII) 11. Последствия для здоровья потерпевшего; (VIII) 12. Основные данные о потерпевшем и (IX) 13. Группа экстраординарных признаков.

Сопоставление полученных результатов с теоретической моделью показывает, что в них не присутствует фактор "Отношения с потерпевшим". Преобладающим суждением как экспертов, так и респондентов (64,4% всех опрошенных) является мнение, что ни один из предложенных на их рассмотрение признаков (различные варианты родственных отношений и т.п.) существенной роли при оценке тяжести содеянного играть не должен.

Таким образом, массовое правосознание фиксирует некоторую систему приоритетов в оценке факторов тяжести ПД, тогда как профессиональное правосознание таковой не содержит. Можно высказать предположение, что субъекты правоприменения, в силу некоторых причин, утрачивают имевшиеся ранее стереотипы, не приобретая взамен устойчивых профессиональных ориентаций. Следствием такой "деформации" является фиксируемое парадоксом Кондорса положение, ясно указывающее, что тяжесть содеянного у нас каждым судьей меряется "на свой аршин".

В последнем параграфе подробно освещаются результаты эмпирического изучения каждого из тринадцати признанных значимыми факторов тяжести ПД. Акцентировалось внимание, какие конкретно признаки теоретической модели не использовались объединенным правовым сознанием и фиксировался порядок следования индикаторов внутри соответствующих факторов, чем конструировались частные шкалы значимости влияния этих индикаторов на изучаемое латентное качество. К примеру, приведенный выше набор мотивов совершения ПД приобрел в итоге вид следующей шкалы:

(Ш) 3. Мотивы совершения проступного деяния

Мотивы, не являющиеся низменными, либо	
безмотивность содеянного	- 1
Хулиганские или иные низменные мотивы	- 2
Корыстные мотивы	- 3
Месть за исполнение потерпевшим своего	
служебного либо общественного долга	- 4
Скрытие ранее совершенного либо облегчение	
совершения иного проступления	- 5

Глава шестая - "Анализ полученных результатов" - состоит из трех параграфов. Первый посвящен конструированию сложной ранговой шкалы тяжести преступных деяний.

Формальное обобщение полученных результатов показало, что эмпирическая модель содержит тринадцать факторов, объединяющих 73 признака тяжести ПД. Хотя размерность эмпирической модели примерно на порядок меньше размерности теоретической, однако она остается все же чрезмерно большой. Данное обстоятельство позволяет убедиться в справедливости мысли М.С.Кагана о том, что самое детальное описание элементного состава любой системы

не приносит нам знания ни природы данной системы, ни закономерностей ее поведения, ни ее движения и развития.

Главной особенностью эмпирической модели тяжести ПЦ является то, что данная модель представляет собой некоторое гиперупорядочение, в котором каждый фактор и индикатор занимают фиксированное место, вследствие чего полученное упорядочение соответствует определению сложной ранговой шкалы, а потому дает возможность перейти к попытке установления структуры изучаемой системы. Последняя трактуется в качестве упорядоченной классификации (типологии) изучаемых объектов. Основанием для такого вывода служит высказанная в специальной литературе мысль, согласно которой именно благодаря типологии исходный массив структурируется, то есть представляется в форме, позволяющей выделить такие подмножества единиц наблюдения, элементы которых "похожи" друг на друга, а элементы из разных подмножеств сильно отличаются один от другого.

Типологические группировки являются основным приемом для выделения групп объектов определенного качества. Вместе с тем методы, на которых они основываются, носят пока еще неформальный характер. Обосновав используемые в ходе типологизирования допущения, диссертант преобразовал сложную ранговую шкалу в типологию преступных деяний. Ее описание дает содержание второму параграфу главы, в котором формулируется предположение, что все преступные деяния по своей тяжести делятся на такие пять категорий.

I. Особо тяжкое преступное деяние. К их числу относятся посягательства, обладающие хотя бы одним из следующих признаков:

(I) деяние виновного повлекло за собой сверхкрупный материальный ущерб;

(2) оно было направлено на сокрытие ранее совершенного преступления или облегчение учинения иного преступного посягательства; совершено общепаспным способом; с применением оружия или заменяющих его предметов; сопровождалось применением насилия, опасного для жизни потерпевшего;

(3) учинено группой более чем из десяти человек, либо хотя и меньшим числом, однако виновный являлся организатором данного посягательства;

(4) деяния совершались в виде промысла;

(5) от содеянного пострадало более десяти человек;

(6) вследствие преступного деяния наступила смерть потерпевшего, либо у него возникло (или развилось) душевное заболевание, либо потерпевший покончил жизнь самоубийством;

(7) посягательство совершено в отношении лица, специально приведенного в беспомощное состояние либо

(8) с использованием условий общественного бедствия.

2. Тяжкое преступное деяние характеризуется наличием хотя бы одного из таких признаков:

(1) деяние виновного повлекло за собой особо крупный материальный ущерб;

(2) оно было совершено по мотивам мести за исполнение потерпевшим своего служебного или общественного долга; соединено с нападением; сопровождалось предварительным изучением объекта, приготовлением и применением средств, запутыванием учета либо применением иных сложных приспособлений; в ходе его совершения использовались реальная угроза убийством (причинения тяжких телесных повреждений) либо опасное для здоровья потерпевшего физическое насилие;

(3) группой из шести-десяти человек либо хотя и меньшим

числом, но при этом посягательство было сопряжено с вовлечением виновным в совершение преступления другого лица;

(4) деяния совершались систематически;

(5) от содеянного пострадало шесть-десять человек;

(6) вследствие преступного деяния произошло прерывание беременности либо наступила инвалидность потерпевшего;

(7) посягательство совершалось в отношении малолетнего до семи лет либо лица, находившегося в ином беспомощном состоянии или

(8) в отношении заведомо беременной женщины (даже если оно, при этом, не повлекло за собой прерывания беременности).

3. Средней тяжести преступное деяние должно обладать хотя бы одним из следующих признаков:

(1) деяние виновного повлекло за собой крупный материальный ущерб;

(2) оно было совершено из корыстных побуждений; соединено со злоупотреблением своим служебным либо иным особым положением; учинено с применением ключей либо отмычек, а равно с использованием интенсивного физического насилия, результатом которого явилось указанное в п. (6) последствие;

(3) группой из четырех-пяти человек либо хотя и меньшим числом, если виновный при этом не только играл в содеянном активную роль, но и был инициатором его учинения;

(4) деяния совершались неоднократно;

(5) от содеянного пострадало четыре или пять человек;

(6) вследствие преступного деяния потерпевшему причинено неизгладимое обезображение лица;

(7) посягательство совершалось в отношении малолетнего старше семи, но младше четырнадцати лет либо престарелого или

(8) было соединено с особой жестокостью, мучениями либо истязанием.

4. Менее тяжкое преступное деяние характеризуется наличием хотя бы одного из следующих признаков:

(1) деяние виновного повлекло за собой особо значительный материальный ущерб;

(2) оно было совершено из хулиганских или иных низменных побуждений; открыто либо путем злоупотребления доверием; с применением случайных предметов или простейших приспособлений; сопровождалось интенсивным физическим насилием;

(3) группой не более, чем из двух или трех человек, если в ходе совершения преступного деяния виновный играл в нем активную роль;

(4) повторное совершение преступного деяния;

(5) от содеянного пострадало три человека;

(6) вследствие преступного деяния потерпевшему причинены длительное расстройство здоровья;

(7) посягательство совершено в отношении несовершеннолетнего старше четырнадцати лет либо

(8) учинялось с исключительным цинизмом или особой жестокостью.

5. Небольшой тяжести преступное деяние описывается следующим комплексом признаков:

(1) значительность наступившего материального ущерба;

(2) безмотивность содеянного либо учинение его по мотивам, не относящимся к числу низменных; тайное совершение преступного деяния; учинение его без каких-либо средств; применение в ходе совершения деяния неквалифицированного физического воздействия, повлекшего за собой последствия, указанные в п.(6);

(3) совершение преступного деяния в группе из двух-трех человек либо в одиночку, а равно совершение его в группе из любого числа участников, если виновное лицо не играло в нем активной роли и не было инициатором учиненного;

(4) совершение одного преступного деяния;

(5) от которого пострадало не более двух человек;

(6) в ходе посягательства потерпевшему были причинены легкие телесные повреждения, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья;

(7) посягательство учинялось в отношении совершеннолетнего здорового лица, находившегося в обычном (для себя) состоянии.

Заключительный параграф главы посвящен рассмотрению вопроса о взаимоотношении полученной типологии с 16-ю индикаторами сложной ранговой шкалы, оставшимися за пределами типологии. Пять из них (незначительность материального ущерба; вовлечен в совершение преступления либо попал под устойчивое дурное влияние; неквалифицированное физическое насилие; один потерпевший; отсутствие расстройства для здоровья потерпевшего), по мнению автора, дают основу для конструирования специальной категории деяний, а именно - не являющихся преступными в силу малозначительности системообразующего свойства (тяжести содеянного), что, в свою очередь, препятствует возникновению общественной опасности. Основанием для такого вывода служит позиция теоретиков уголовного права, а частично - и законодателя, рассматривающих перечисленные признаки в качестве обстоятельств, смягчающих ответственность. Логично предположить, что небольшой тяжести преступные деяния, совершенные при наличии указанных обстоятельств, должны признаваться малозначительными. Тогда, заменив в дефиниции небольшой тяжести ПД соответствующие при-

наки на упомянутые выше можно утверждать, что малозначительные по своей тяжести антиобщественные посягательства описываются следующими характеристиками:

(1) причинение малозначительного материального ущерба;
 - (2) безмотивность содеянного либо учинение его по мотивам, не относящимся к числу низменных; тайное совершение посягательства; учинение его без каких-либо средств; применение в ход совершения деяния неквалифицированного физического воздействия в отношении потерпевшего;

(3) совершение посягательства в одиночку, а равно - в группе из любого числа участников, если виновное лицо было вовлечено в совершение данного деяния либо попало под устойчивое дурное влияние;

(4) совершение одного посягательства, от которого

(5) пострадал лишь один человек;

(6) причинение потерпевшему с применением физического насилия легких телесных повреждений, не повлекших за собой расстройства здоровья;

(7) посягательство учинено в отношении совершеннолетнего, здорового лица, находившегося в обычном (для себя) состоянии.

Думается, что не вошедшие в типологию признаки действуют по принципу дополнительности: они сводят к нулю значение одного конкретного фактора, никак не влияя на значимость остальных. К примеру, материальный ущерб от преступления может оказаться малозначительным, однако преступное деяние совершалось из корыстных побуждений. Понятно, что в такой ситуации содеянное относится к категории деяний средней тяжести. А это, в свою очередь, указывает на некорректность обозначения описываемого признакам обстоятельства в качестве смягчающего, тем

более, что в свете теории систем наказание (и ответственность вообще) зависят не только от одного компонента (тяжести содеянного). Потому нельзя априори утверждать, что при наличии соответствующего обстоятельства наказание всегда (даже особо опасному рецидивисту, например) будет обязательно смягчено.

Далее рассматривается вопрос о соотношении типологии с шестью признаками, описывающими отношение виновного к наступившему материальному ущербу. Эти признаки предлагается включить в уголовное законодательство в виде самостоятельной статьи следующего содержания:

"Отношение виновного к причиненному преступным деянием имущественному ущербу может изменить оценку тяжести содеянного. Такое изменение возможно в случаях, когда:

- (1) наступивший ущерб полностью возмещен виновным еще до возбуждения против него уголовного дела;
- (2) полное возмещение нанесенного ущерба имело место, однако только после возбуждения против соответствующего лица уголовного дела;
- (3) имело место частичное возмещение нанесенного материального ущерба;
- (4) нанесенный материальный ущерб возмещен в незначительных размерах;
- (5) нанесенный по делу материальный ущерб не возмещался;
- (6) со стороны виновного имело место уклонение от возмещения нанесенного материального ущерба".

Конкретный механизм взаимосвязи приведенных признаков с типологией преступных деяний по их тяжести требует специального изучения. Если в плане иллюстрации, расценить уклонение от возмещения нанесенного материального ущерба как поведение,

примерно равное по своей антиобщественной сути опасности индикаторов менее тяжкого преступного деяния, тогда этот механизм выглядит следующим образом:

"При применении приведенных выше показателей следует иметь в виду:

(1) если совершено менее тяжкое преступное деяние и, одновременно, имело место уклонение виновного от возмещения нанесенного материального ущерба, категория тяжести содеянного изменению не подлежит. В случае, если уклонение имело место при совершении малозначительного посягательства либо небольшой тяжести преступного деяния, совершенное должно признаваться небольшой тяжести либо менее тяжким преступным деянием соответственно;

(2) незначительное, частичное либо полное возмещение виновным нанесенного материального ущерба не влияет на квалификацию действий, однако тяжесть совершенного преступного деяния во всех этих случаях определяется исходя из той величины имущественного ущерба, которая фактически осталась невозмещенной;

(3) при оценке категорий тяжести содеянного, если нанесенный виновным материальный ущерб возмещен полностью, суд, признавая, что указанное возмещение имело место добровольно и еще до возбуждения против виновного лица уголовного дела, обязан обсудить вопрос о смягчении тяжести содеянного на одну ступень, то есть перейти в рамках типологии преступных деяний к предшествующей категории".

Типологией не охвачены также следующие пять признаков:

а) причинение незначительного материального ущерба; б) учинение преступного деяния без какого-либо насилия; в) применение неквалифицированного психического воздействия; г) отсутствие

потерпевшего и д) отсутствие вреда здоровью людей. Думается, что при наличии данных признаков в типологии опять-таки аналируется действие соответствующих факторов, то есть и они приводят к оценке тяжести содеянного в рамках типологии, так сказать, "по неполной схеме".

В заключении приводятся некоторые соображения о возможных путях дальнейшего развития теории уголовного права с учетом полученных автором результатов. В частности, акцентируется внимание на несомненной связи изучаемого феномена с проблемой справедливости уголовного наказания, разработка которой осуществляется пока только на интуитивном уровне, а потому остается еще достаточно далекой от более или менее удовлетворительного разрешения.

Основные положения диссертации опубликованы

в следующих работах:

Монографии

1. Общественная опасность преступления и наказание (Количественные методы изучения). - М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. - 5,6 п.л.
2. Тяжесть преступного деяния. - Киев: Вища школа, 1992. - II, 41 л.

Статьи в периодических изданиях и сборниках

1. Некоторые теоретические проблемы криминологического измерения применительно к общественной опасности личности преступника. // Проблемы изучения личности правонарушителя: Сб. науч. тр. - М.: РИО ВНИИ МВД СССР, 1984. - I, 0 п.л.
2. Измерения в уголовном праве. // Криминология и уголовная политика. - М.: Наука, 1984. - 0,4 п.л.

3. Выборка по методу квот // Філософська думка. - 1985. - № 4. - 1,0 п.л. (в соавторстве).
4. Выборка по методу квот в уголовно-правовых и криминологических исследованиях // Правоведение. - 1987. - № 1. - 1,0 п.л. (в соавторстве).
5. Классификация преступлений по родовому объекту посягательства // Правоведение. - 1989. - № 4. - 0,8 п.л.
6. Право и общественное мнение об институте погашения и снятия судимости // Материалы IV советско-западногерманского симпозиума по проблемам криминологии, уголовного права и процесса. - Киев: Наук. думка, 1990. - 0,2 п.л.
7. Величина материального ущерба от преступления и ее классифицирующая роль // Сов. гос-во и право. - 1991. - № 9. - 0,7 п.л.
8. Многообразная преступная деятельность и уголовный закон // Гос-во и право (принята к печати). - 1,0 п.л.

Еще 4 работы общим объемом 3,2 п.л. опубликованы в специальных ведомственных изданиях.

Позначено в каталогі 21.09.82 г.
 Під № 3, Тираж 100 экз. Зам. № 4-1000.

Тираж 100 экз. Зам. № 4-1000

Подписано к печати 21.09.92 г.
Печ. л. 3. Тираж 100 экз. Зак. М-1609.

Типография МВД Украины

347026

AB 26.018
AB 26.018